

История, говорите, не знает сослагательного наклонения? Так вот почему эта дура каждый раз остается на второй год!

Евгений Лукин

...с раздражением подумал он. Личные состояния людей, собравшихся нынче вечером в этом неприметном особнячке на Манхаттане – если просуммировать их честно, со всеми труднопереводимыми в доллары политическими *возможностями* – составят величину, вполне сопоставимую с федеральным бюджетом, ну и на кой им сделалась эта проповедь-политграмота?

Или кто-то из них не в курсе того, что истинной причиной нашей Революции были не «неотъемлемые права», и даже не «No taxation without representation»*, а элементарная невозможность терпеть дальше этот грабёж на большой дороге, когда каждый гвоздь, не говоря уж о ружье, надо втридорога покупать у Метрополии, тогда как попытки наладить их производство на месте или купить у соседей караются как государственная измена? А теперь – не прошло и века! – история повторяется один в один, только роль Тринадцати колоний, восстающих против державной грабировки, перешла к южанам-*дикси*. Ибо самопальные промтовары «прогрессивного индустриального Севера» на самом деле ни к черту не конкурентоспособны, и «отсталый аграрный Юг», имеющий единственные в стране *настоящие* деньги за свои хлопок с табаком и рисом, желает торговать с Европой напрямую, поверх протекционистских шлагбаумов, поставленных «этими парнями из Вашингтона» – а это вообще убьет на корню всю национальную промышленность. Оно бы, может, и к лучшему – списать разом этот хлам, момент для модернизации как раз подходящий, но у Севера денег на это нет, а Юг совершенно не рвется «поддерживать отечественного товаропроизводителя», и капиталы его текут теперь напрямиком

* – «Нет налогов без представительства» – лозунг, использовавшийся в качестве главной претензии американских колонистов; они не имели представителей в британском парламенте и не могли реализовать свои права, гарантированные принятым в 1689 году Биллем о правах (*прим. ред.*).

в банки всевропейской империи Ротшильда, минуя «Бэ́нк оф Манхаттан компани». Замкнутый круг.

А мы тут, выходит, эдакая коллективная Британская корона с премьер-министром Нортом: пытаемся спасти грабительскими «чайными» госпошлинами проторговавшуюся-довеселившуюся Ост-Индскую Компанию, ибо «что хорошо для Компании, хорошо и для Англии»; ох, и доиграемся мы, ребята, еще до какого-нибудь *чаепития*, на манер Бостонского... Что-что, Техас? – черт, ну, при чем тут это, дались им те дурацкие Западные территории!..

– ...Если бы Техас вошел тогда в состав Соединенных Штатов – а шансы на то имелись, не спорьте! – у Юга сейчас были бы связаны руки, и ни о чем, кроме колонизации, они бы и не думали. А вместо этого мы имеем то, что имеем – Свободную Конфедерацию Тексаса, гнойник в треть миллиона квадратных миль: чертовы иезуиты с их чертовыми «государствами» краснокожих, чертовы казаки со всей этой калифорнийской испанорусской сволочью!..

– Не гневите Бога, сэ́р, вам что – мало «Луизианской покупки»? Отхватить у Франции почти миллион квадратных миль, от Миссисипи до Скалистых гор, – что больше всей тогдашней территории Соединенных Штатов, – и всё это за пятнадцать миллионов долларов, по три цента за акр! Тогда уже семь сенаторов из тридцати одного, кто поумней, голосовали против ратификации «Покупки»: «Что-то тут нечисто...», так вам теперь еще и Техас подавай – задаром. А ведь когда игроку за вечер приходит второй подряд тузовый покер, тут кто хочешь заподозрит неладное...

– Так. Вы позволите, господа?.. – ну вот, это уже будет по делу. – Всем нам, как я понимаю, ясно, что дело идет к выходу Южных штатов из состава Федерации. Видит ли кто-нибудь из присутствующих способ воспрепятствовать этому, не прибегая к военной силе?

Продлив паузу сколько надо, взявший на себя роль председательствующего кивнул и продолжил:

– Итак, война между дикси и янки неизбежна; консенсус. Военное превосходство Севера огромно, и исход такой войны сомнений, в общем-то, не вызывает. Проблема в другом: если честно объявить американскому

народу, что причина братоубийственной бойни состоит в желании банков и железнодорожных компаний Севера наложить лапу на доходы Юга от международной торговли – он нас, мягко говоря, не поймет, и недоумение свое может выразить множеством способов... В этой войне мы – давайте называть вещи своими именами! – выступаем агрессорами, а обороняющие свой дом южане будут иметь кучу моральных бонусов. Что мы можем этому противопоставить, в плане пропаганды? – правильно, сохраняющееся там плантационное рабство негров; *ergo* – слова «южанин» и «рабовладелец» должны слиться в сознании общества до полной неразличимости. Целью же войны должно быть провозглашено освобождение чернокожих невольников... – господа, ваш смех совершенно неуместен! – для чего необходимо сломить вооруженное сопротивление белых рабовладельцев. Действовать, однако, надлежит без промедления: на Юге сейчас прорабатывают – на уровне законодательства штатов – несколько вариантов эмансипации черных. Такого рода реформы, сами понимаете, за пару дней не делаются, но если южане успеют-таки освободить своих негров сами – дело наше совсем дрянь...

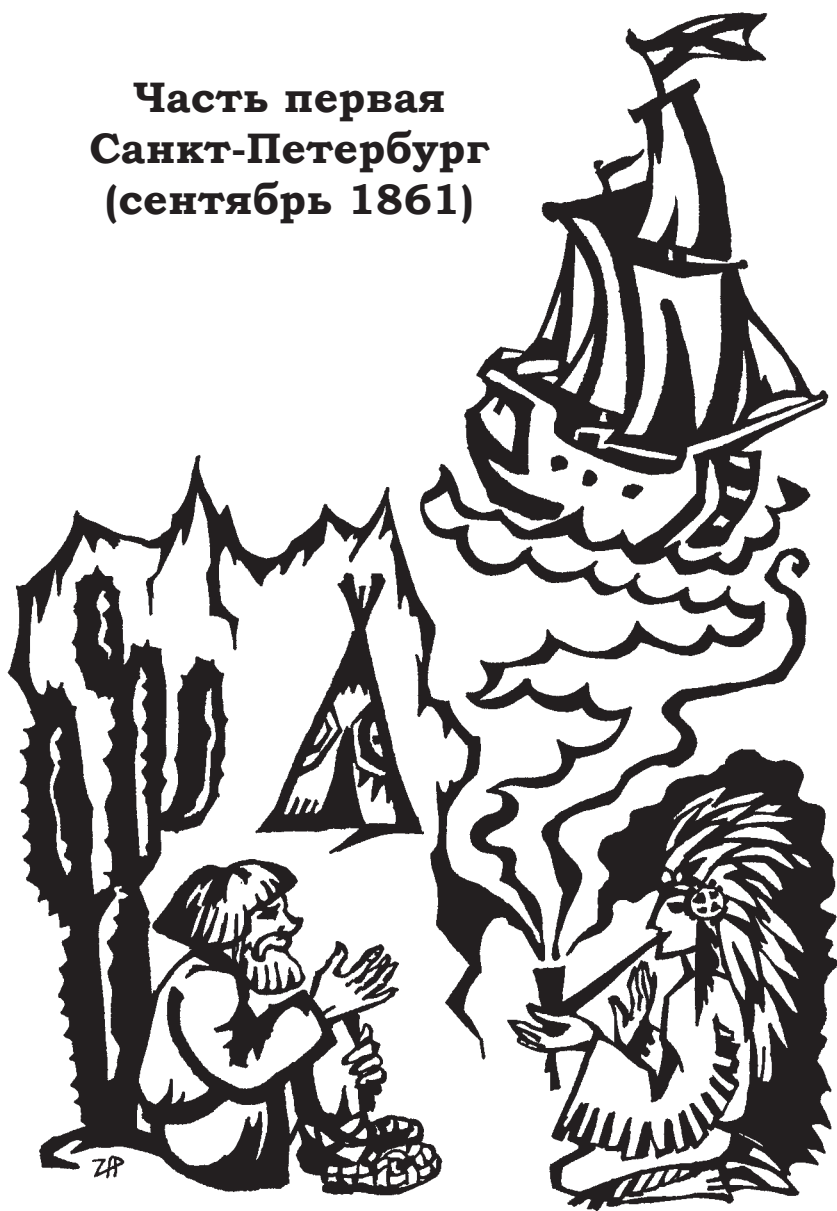
– Итак, если возражений по общей части нет, – (протокольная пауза), – перейдем к практическим решениям. Для начала нам понадобится колоритный аболиционист-отморозок...

– Какой аболиционист, сэр?

– Откуда мне знать – какой? Ну, пускай будет – Уайт!.. или Блэк!.. Браун!.. Грин!.. Какая, к дьяволу, разница!!

Симеон Юлианов, «Праща для Давида». – Санкт-Петербург, изд-во «Аргус», 1984.

**Часть первая
Санкт-Петербург
(сентябрь 1861)**

Если история чему-нибудь и учит, то только тому, что убить можно кого угодно.

Майкл Корлеоне, «Крестный отец»

Я не нахожу в <политическом> убийстве ничего неправильного с моральной точки зрения. Всё дело лишь в том, что вы никогда не можете быть уверены, что новый человек будет лучше прежнего – вот в чем настоящая проблема.

Дж. Мори, президент ассоциации
отставных офицеров разведки США

Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает невероятную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения.

Лермонтов, «Герой нашего времени»

Scout

Быстрый слабовооруженный юнит.

Движение: две клетки, независимо от типа местности.

Обзор: три клетки, независимо от типа местности.

Особые свойства: может вступать в переговоры с варварами/индейцами/пиратами и получать от них информацию о войсках иных цивилизаций в радиусе 4-х клеток (вероятность гибели юнита при этом – 1/3, уменьшается с ростом боевого опыта).

**Павел Андреевич Расторопшин, 31 год,
генерального штаба ротмистр,
Топографическая служба Генштаба.**

1

Выйти из себя довольно просто – если умеючи. Надо скатать свою внутреннюю сущность в эдакий колобок и, чуть придержав его на левой ладони, со всей возможной небрежностью подкинуть кверху – так, чтоб он взмыл над левым же плечом и завис где-то в полутора саженях над твоей телесной оболочкой. Весьма полезная штука при скоротечных огневых контактах, и особенно – при схватках с несколькими противниками, когда нужно видеть всё и сразу...

Кстати, суфийский дервиш, обучивший его некогда этому искусству в Темир-Хан-Шуре* (работал там по легенде: приказчик армянского торгового дома из Трапезунда, благо внешность подходящая), очень заинтересовался отчего-то – как именно он скатывает тот колобок. И, похоже, из тех сбивчивых описаний – как меж обсыпанных мукою ладоней крутится, по часовой стрелке, упругий шмат дрожжевого теста, в точности как для матушкиных ростовских пирогов с визигой, – дервиш узнал о нем куда больше, чем следовало бы... Не за тем, конечно, чтоб донести властям и развлечь подданных местного хана назидательным представлением – казнью урусского шпиона: суфий и донос – две вещи несовместные. Просто при расставании дервиш подарил ему черный камешек-оберег и мягко посоветовал сменить род деятельности – он, дескать, тратит свою жизнь совсем не на то, к чему предназначен Высшими Силами.

Он тогда отшутился, что Высшим Силам следовало бы в таком случае подать ему внятный знак – на то ведь они и Высшие! Сам-то он ничуть не сомневался – и тогда, и сейчас – что занимается как раз тем единственным, для чего предназначен судьбой и природой: редкое везенье. Так что если его рапорт об отставке будет принят (а не подать его, в нынешних обстоятельствах, было совершенно невозможно), то останется ему только – пулю в лоб. ...Да-да, всё верно: операцию ту провалило – с громким дребезгом и широким разлетом кровавых брызг, заляпавших весьма непривычные к тому щегольские штабные мундиры, – местное начальство с его усердием не по разуму, а он-то как раз спас то

* – Ныне г. Буйнакск в Дагестане (*прим. ред.*).

немногое, что еще можно было спасти, однако подобное рассуждение, согласитесь, достойно русского чиновника, но никак не русского офицера. Крайний – он, так уж карта легла. И точка.

В довершение ко всему ему повадился сниться, едва ль не еженощно, один и тот же сон – то самое *дело* у немирного аула Дахчи. Сон был странный, какой-то издевательский. Начинался он всегда одинаково, с похожего на раскрашенную литографию изображения той полуразрушенной жилой башни-*ганаха*, а потом ему как бы милостиво позволяли переиграть партию: расставь по иному наличных бойцов, поменяй время и направление атаки; не менялось, правда, главное – в башне их, как выясняется, уже ждали... Так что не помогли толком ни их четкий и скрытный выход на исходные, ни вполне точная информация лазутчиков – где держат пленника, ни то, что колобок у него слепился в тот раз практически идеально, и видеть цельную картину боя и управлять им он мог без помех. И каждый Божий раз он просыпался под утро с пересохшим горлом и бешено колотящимся сердцем, будто из настоящей схватки, и со стоящей перед мысленным взором надписью (темно-бордовым, почему-то стилизованным под готику, шрифтом): «Пиррова победа».

Да, всё верно: как ты ни передвигай фигуры на той шахматной доске, а положить при освобождении заложника убитыми и тяжелоранеными меньше трети отряда – доброй полудюжины казаков-пластунов и союзных горцев из клана Ходжи-Мурата – не выходило никак; капитан Фиц-Джеральд мог быть доволен – на преследование его разведгруппы-«экспедиции», стремительно отходящей, со всей добытой информацией, с горских *Unadministered Territories** к Кодорскому ущелью, под крылышко к союзным Британии туркам, наличных сил у ротмистра уже не оставалось. И каждый раз он со злостью думал, что, по-хорошему, следовало бы просто плюнуть на пленника, предоставив сего высокоученого

* – Неадминистрируемые территории (*англ.*) – так обозначались регионы, которые колониальная империя числит в зоне своего влияния, но по разным причинам не может создать там колониальную администрацию (в Британской империи – Верхняя Бирма, Белуджистан у афганской границы и т.п.). (*прим. ред.*)

искателя приключений собственной судьбе (ничему эту публику не учит судьба петербургского академика Самуила Гмелина, так и сгинувшего в зиндане хайтыцкого хана в Ахметкенте, не дождавшись выкупа!..) и спокойно двигаться по следам Фиц-Джеральда; британцев было, конечно, всё равно уже не достать – но уж своих людей он бы точно сберег!

Сам спасенный, между тем, отнесся к своему спасению более чем философски: он, похоже, так и не уразумел, что был в той компании немирных горцев вовсе не гостем (как мнилось ему), а, считай, уже рабом. На процветающую на горских *Unadministered Territories* торговлю людьми он взирал примерно как на тамошнюю же поголовную дизентерию: веди себя правильно – мой руки с мылом и не пей некипяченой воды, – и тебя лично всё это не коснется... Так что расстались тогда они с ротмистром в высшей степени сухо; да и черт бы с ним, встретились-разбежались, детей с ним не крестить.

...В этот предрассветный час, однако, ротмистр пробудился по совсем иной причине, не имеющей отношения к миру снов и теней: в коридоре мирно почивающей гостиницы (меблированные комнаты Щетинкина, что в Измайловской части), как раз напротив его дверей, наличествовал *некто*, чьи намеренья неясны. И прежде чем сонный мозг его скалькулировал, в чем тут непорядок (шаги – нормальные, ничуть не крадущиеся – оборвались у его номера уже с пяток секунд как, а стучать всё не стучат), пальцы уже успели нашарить под одеялом рифленую рукоять армейского револьвера (револьвер, если кто не в курсе, кладут ночью вовсе не под подушку, и уж точно не в прикроватную тумбочку, а, как наставлял некогда его, салагу, многоопытный казачий урядник Недбайло – «Поближе к яйцам!»): кавказский опыт, будь он неладен... Тут как раз и воспоследовал стук в дверь, вполне себе уверенно-казенный: человек в коридоре, похоже, тоже был профессионалом – среагировал на щелчок взведенного курка. «Одну минуту!», – откликнулся он и, убрав «калашников» в свешивающуюся со спинки кровати кобуру, принялся натягивать мундир: того, кто *так* стучится к тебе в четыре утра, вряд ли следует принимать в халате и тапочках... И точно – в коридоре обнаружился вестовой, почему-то в морской форме:

«Ротмистр Расторопшин? Вам пакет, ваше благородие! Соболаговолите расписаться в получении».

Вот вроде бы и готов к тому был – а строчки приказа всё равно так и норовили поплыть с бумаги куда-то налево... С мундиром, значит-ца, отставка – ну, хоть на том спасибо. Подписано самим военным министром – надо ж, какая честь... За всеми этими переживаниями он как-то не сразу заметил четвертушку плотной бумаги, безмолвно протягиваемую ему вестовым. Текст записки был краток: «Быть сегодня в 5:30 утра в задней комнате бильярдной “Триумф”, что на Московском проспекте. Спросить два полуштофа дешевой водки, без закуски. Залегендировать визит». Подписи не было, да она и не требовалась: почерк был ему вполне знаком, по резолюциям на его рапортах и отчетах. Представить себе этого человека заигравшимся на бильярде до самого утра выходило как-то не очень, но это уже не наших, обер-офицерских, мозгов дело. Равно как и то, отчего вдруг Командор вообще оказался в Петербурге, тогда как по всем прикидкам ему следовало бы пребывать в Польше...

Вестовой меж тем требовательно протянул руку за прочитанной ротмистром запиской, многозначительно обвел глазами стены номера и, всё так же безмолвно козырнув (ага!..), отбыл. Теперь, кстати, кое-что прояснялось (хотя прояснялось ли?..) и с принадлежностью посланца к морскому ведомству: офицеры Топографической службы Генштаба отбираются для той работы кто откуда (нередко, кстати, из настоящих военных топографов – как и он сам), а Командор-то был как раз из флотских...

2

– Докладывайте, ротмистр! – Командор был в партикулярном, и, судя по осунувшемуся лицу, не ложился нынче вовсе. Бог ты мой, как же он сдал за последний год...

– Во второй декаде мая... двенадцатого числа, мы выступили из крепости Дзау-Джикау*, имея задание аккуратно надавить на немирные кланы Дарьяльского ущелья, что тревожат своими набегами наших

* – Ныне г. Владикавказ (*прим. ред.*).

осетинских союзников. Кроме того, мы должны были, при необходимости, обеспечить силовое прикрытие работ Центрально-кавказской экспедиции Русского Географического общества...

– К делу, ротмистр, давайте сразу к делу! Отчеты ваши я, как вы догадываетесь, изучил, и интересуется меня сейчас именно то, что в них не попало... Кого у них там осенила эта светлая идея – ликвидировать британскую экспедицию руками немирных горцев? Генерала или Наместника?

– Если бы! – мрачно хмыкнул ротмистр. – Всё гораздо хуже: инициатива исходила как раз от клана Ата-Гири. Наместник – человек на Кавказе новый, и проглотил наживку вместе с грузилом и поплавком: еще бы, есть возможность безнаказанно нагадить Владычице морей, да еще и прикупить, за те же деньги, лояльность крайне враждебного России немирного клана! То есть это он, дурашка, полагал, что покупает их лояльность, а на самом-то деле всё обстояло ровно наоборот... В любом случае такого рода операции надо тщательнейшим образом готовить – от предварительной разведки до зачистки концов, чтоб наши уши ниоткуда не торчали. А полагаться тут на экспромты местных душегубов – это ж надо вообще мозгов не иметь...

– Это, конечно, верно, – кивнул Командор, рассеянно изучая акцизных орлов на початом, порядку для, штофе. – Но вам ведь, ротмистр, не понравилось тогда не только это, и даже не столько это, нет?

Да уж... А какого черта, подумалось вдруг ему, раз уж я нынче всё равно в отставке!

– Британцы, в этот конкретный раз, не нарушали никаких правил приличия: за пределы *Unadministered Territories* не лезли, оружие местным кланам не раздавали и ни к чему их не подстрекали. Здешняя деятельность капитана Фиц-Джеральда ни на копейку не отличалась от того, чем в позапрошлом году невозбранно занимался по ту сторону Хребта, в Сванетии и Абхазии, ротмистр Расторопшин... Но главное – в другом. Да, по ходу нашей Большой Игры и нам, и британцам приходится иной раз прибегать к услугам не шибко приятно пахнущих туземных союзников. Но когда *мы используем туземцев* – это одно, а вот когда *туземцы используют*

нас – это уже совсем про другое! И недоумков, которые прикармливают ручного – как им возмнилось – зверя человечинной, надо отстреливать на месте, немедленно. Я понятно выражаюсь?

– Вполне. Кстати, предостеречь британцев – ваша инициатива, или?..

– Или. Обошлось без меня: начальник русской экспедиции, как оказалось, стажировался в свое время в Гейдельбергском университете вместе с одним из Фиц-Джеральдовых геологов. Правильно говорят: «Мир – деревня»... Так что всего-навсего – «джентльмен помог джентльмену», никаких лишних вопросов.

– А вы потом, вызволяя этого самого *джентльмена*, уложили кучу подчиненных...

– Защита персонала и имущества Экспедиции, – бесцветным голосом откликнулся ротмистр, – была прописана в списке моих задач отдельной графой. А про благонравное поведение означенного персонала как непременное условие той защиты – что-то я такого пункта не припоминаю...

И – я ж в отставке, или как?.. – *махнул* давно уже выставленную на стол, для антуражу, чарку водки, не чокаясь и не закусывая. Прости, Серега... простите, ребята – не уберег я вас, так уж карта легла...

– Ладно, ротмистр... – прозвучало вдруг с того конца стола. – В сложившейся нештатной ситуации вы действовали в целом верно. Войну кланов пресекли в зародыше и малой кровью, международного скандала не допустили. И с «джентльменами» вышло весьма удачно, кстати... Как обычно, нарушили всё, что можно, но – победителей не судят. Считайте, что служебное расследование закончено.

– Служебное расследование, – криво усмехнулся он в ответ, – подразумевает, между прочим, что человек состоит на службе. Или нет?..

– Верно. Только вот служба бывает разная. Для той, что я собираюсь предложить вам, нужен человек, привыкший действовать без особой оглядки на писанные инструкции, а главное – готовый к тому, что Родина, случись чего, открестится от него не моргнув глазом: «Я не я, и лошадь не моя». Что, согласитесь, приличнее смотрится, когда он в отставке...

Ого! Так вот, похоже, почему приказ тот подписывал сам военный министр – и не по представлению ль Командора, кстати?

– Между прочим, – будто бы прочтя эти его мысли, продолжил Командор, – мое положение не больно-то отличается от вашего: генеральские аксельбанты мне, по вполне достоверным сведениям, повесят в самое ближайшее время – ну, вы понимаете, *что* это значит. Но пока еще мне открыт доступ к секретному фонду Службы, и есть возможность сделать напоследок пару-тройку неподотчетных трат... Ну так как, Павел Андреич?

– Ладно, – позволил себе наконец улыбнуться он, – так тому и быть. Судя по тому, что меня растолкали ни свет ни заря, дело и впрямь срочное. Куда надлежит отправляться – в Константинополь, в Тифлис, в Тегеран?

– Судя по всему, в Америку, – даже мимолетный отблеск той улыбки не вернулся к нему в ответ: похоже, дело совсем дрянь. – А насчет ни свет ни заря... Дело в том, что сегодня ночью умер министр колоний, и этот упавший камешек может стронуть лавину таких масштабов, что и подумать страшно.

– Министр колоний? Опять?!

– Опять. Вредная для здоровья должность, как видите...

– Умер или убит?

– Хороший вопрос... Министр умер около полуночи в своем особняке на Морской. Официальный диагноз – «сердечный удар». Доктор Клюге, вызванный слугами и зафиксировавший смерть, неофициально предположил, что причиной удара было сильное нервное потрясение. И – совсем уже неофициально, тет-а-тет – уточнил: «Умер от страха». Министру было пятьдесят два года, в прошлом – боевой офицер; железное здоровье и сангвинический темперамент... И вот еще что, – с этими словами Командор развернул на скатерти носовой платок и продемонстрировал тщательно запеленатый в него серебристый цилиндрок. – Что это, по-вашему? – только пальцами не хватайте...

Некоторое время он озадаченно разглядывал вещицу, тщетно пытаясь сообразить – в чем же тут подвох? Потом сдался и доложил, что *изделие* представляет собой изготовленную из серебра копию унитарного патрона

под револьвер Калашникова, ноль-сорок пять дюйма; курсант Расторопшин ответ закончил!

– Ответ неверный. Это не копия, а сам патрон. Он то ли покрыт сусальным серебром, то ли посеребрен при помощи гальванотехники. В момент смерти министр имел при себе револьвер, снабженный такими вот странными боеприпасами. В качестве дополнительной вводной: министр был родом из Западных губерний, где очень в ходу легенды об упырях и оборотнях, которых якобы можно убить только серебряной пулей. Ну, а поскольку заряжаемые с дула «Лепажки» отошли в прошлое, серебряная пуля обрела нынче, как я понимаю, именно такой вот облик...

– Постойте! – ошарашенно откликнулся ротмистр. – Вы это что, всерьез – оборотни, серебряные пули?..

– О реальности существования оборотней я, вроде бы, не поминал ни единым словом; что ж до серебряных пуль, то одна из них непосредственно перед вами... И, кстати, не она первая – в смысле, не первая из имевших касательство к нашему с вами ведомству. Вы что-нибудь помните о графе Потоцком?

– О котором из них – о Яне?

– Разумеется.

– Пожалуй, только то, как он в 1805-м был прикомандирован к посольству князя Головкина ко двору китайского императора – отвечал там за научное прикрытие. Миссию они тогда провалили с треском: китайцы же не полные олухи – делегация под триста персон, среди них куча военных, куда вам столько? В Петербурге тогда не таясь писали – граф Воронцов, например, цитирую по памяти, – что *«Целая шайка готовится ехать в Китай с Головкиным и с кучей разного народа... Я бы хотел, чтобы Китайский император, рассердясь на то, что с ними посланы инженеры, которые будут снимать планы и профили тамошних крепостей, приказал бы всех высечь от первого до последнего и потом выпроводить из его владений»*. Ну, так оно, собственно, и вышло – разве что без «высечь»: китайские пограничные чиновники стали вдруг требовать от российского посла выполнения китайских церемоний, с земными поклонами *коуту* и прочим в том же духе; пойти на это посол великой державы, разумеется, не мог – ну, и не проехал никуда

дальше Урги... Я читал когда-то на сей предмет официальный рапорт Потоцкого министру иностранных дел князю Чарторыйскому – его личная вина там была минимальна, но...

– Да, тот китайский эпизод в его карьере был провальным, согласен. Он, вообще-то, был весьма экстравагантный европейский интеллеktуал, из «парижских поляков», археолог и путешественник, с 1806-го – почетный член Императорской Академии Наук. Объездил всё Средиземноморье: Марокко, Сицилия, Тунис, Египет; Кавказ – и наш и не наш, потом на Мальте вел какие-то наглухо засекреченные даже от нас дела с тамошним рыцарским Орденом, обедав вокруг пальца британских коллег. К службе в Азиатском департаменте МИДа его привлек, кстати, сам Чарторыйский... Забавно, что он понаписал кучу патриотической польской (и, соответственно, антирусской) публицистики, весьма яркой, для парижских монтаньяров он был «граф-гражданин» – а от Российской империи тем временем исправно получил, за *реальную* свою *работу*, чин тайного советника и орден Святого Владимира I степени... А кроме всего прочего, он написал весьма любопытный роман, «Рукопись, найденная в Сарагосе» – не читали, часом?

– Нет, как-то не довелось...

– Рекомендую, весьма – только лучше в оригинале, по-французски. Сюжет там распадается на кучу эпизодов-загадок, каждая из которых может иметь как рациональное, так и мистическое объяснение – и каждый раз «финал открытый», ответ оставляется автором на усмотрение читателя... Особенно интересно перечитывать это, зная, что текст писан высококлассным профессиональным разведчиком.

– Спасибо за рекомендацию. И что, сей международный авантюрист на русской службе стрелял в кого-то серебряными пулями? Или – в него?

– Вы будете смеяться, но – и то, и другое одновременно.

– Простите, не понял...

– В 1815-м граф застрелился в своем имении, Уладовке – серебряной пулей. А пулю ту он самолично отлил из ручки серебряной сахарницы, да еще и освятил потом у капеллана; такие дела. А Уладовка та, между

прочим, совсем рядышком с Бердичевым... таки себе. В общем, впечатление такое, будто он специально дарил писателю-преемнику роскошный сюжет для мистического детектива: секретная служба и серебряные пули, хасиды с их каббалистикой и мальтийские рыцари с их многотайными делами...

– Да уж... – пробормотал Расторопшин. – Большой оригинал, ничего не скажешь...

– Именно. Ладно, давайте к делу, ротмистр, – в день нынешний. Министр колоний, если вы помните, заступил на свой пост менее двух месяцев назад – после того, как предшественник его «в результате приступа головокружения» шагнул вниз с галереи Исаакиевского собора. Как он оказался, посреди приемного дня, в столь странном месте и в одиночку, без сопровождающих, – так и осталось загадкой. Но, в любом случае, всё случилось на глазах у кучи независимых свидетелей, которые в один голос подтверждают: никто посторонний к его высокопревосходительству не приближался, и роковой шаг свой за балюстраду тот сделал по собственному почину. Версию замаскированного под несчастный случай самоубийства *голубенькие* негласно проверили – по Высочайшему повелению – со всей дотошностью, но ни единого внятного мотива (ну там, финансовые или семейные скандалы, вскрывшиеся гомосексуальные связи и тому подобное) так и не нашли. Так и осталось – «приступ головокружения»; странная история, конечно, ну да чего в жизни не случается... Но теперь-то вот – следующий! Ровно неделю назад новоназначенный министр колоний, пообщавшись с глазу на глаз со здешним представителем Русско-Американской Компании, внезапно и без объяснений отсылает всё своё семейство в смоленское имение, а из имения, напротив, вызывает в Петербург – срочно, телеграфом – двоих слуг: дядьку-ординарца, с которым они некогда прошли вместе всю Черкесскую кампанию, и опытного ловчего. Вооружается револьвером с серебряными пулями, и в результате умирает в своем особняке «от страха» – в полночь полнолуния... Не желаете ли подарить такой сюжетец графу Толстому?

– А почему Толстому?

– Ну, можно господину Загоскину, или кто там еще романы про упырей сочинял. А кому еще? – не полиции же...

– Вы хотите сказать, расследования не будет вовсе?

– Какое еще расследование, ротмистр – шутить изволите?! Прикиньте, как это будет смотреться в газетах: «Русская полиция и секретные службы сбились с ног в поисках оборотня, подозреваемого в убийстве двоих министров»... Да мы станем посмешищем всей Европы – и поделом!

Возникла пауза, по ходу которой Командор прислушался к перебранке слуг где-то в недрах заведения и с видимым раздражением продолжил:

– В любом случае, само то убийство (если там и вправду убийство) – не по нашему ведомству, и о том пускай голова болит у *голубеньких*! Зато вот последствия этих двух смертей – опять же, вне зависимости от того, можно ли их строго юридически счесть «насильственными», – это да, как раз по линии нашей Службы... Я вам больше скажу, Павел Андреевич – если бы вы по-прежнему *служили под погонами*, мне и в голову бы не пришло посвящать вас в подробности гибели министра: к вашему заданию все эти готические романы прямого отношения не имеют, а меньше знаешь – крепче спишь. Но вы ведь нынче – в отставке, так что без раздумья умирать за Отечество, как положено офицеру, вроде как уже и не обязаны... Именно поэтому я не считаю себя вправе скрывать от вас привходящие обстоятельства: ведь те, кто готов и способен, при нужде, *убирать* русских министров, агента русской разведслужбы уничтожат с теми же примерно эмоциями, с какими вы прихлопываете комара. Вы погибнете тихо и бесславно, и ни Держава, ни Служба ни при каких обстоятельствах не придут вам на выручку – это, надеюсь, понятно? Так что я обязан дать вам еще три минуты на раздумье – последняя возможность выйти из игры. Таков порядок.

С этими словами Командор тяжело поднялся из-за стола и, сверившись с часами на цепочке (жест этот вышел у него каким-то беззащитно-штатским), выбрался в коридор, где вступил в приглушенный разговор с кем-то невидимым ротмистру. «Экая театральщина, – не без раздражения заметил про себя тот. – “Я знаю, что ты знаешь, что я знаю”... Ну, раз таков порядок – ладно, пусть их». И сухо доложил, по возвращении начальства, что дополнительная вводная не повлияла на его

решение принять предложение Службы. Вот если б ему сейчас предложили должность министра колоний – это да, был бы повод уклониться и поискать себе работу поспокойней, ну хоть бы и тем же агентом-нелегалом на вражеской территории...

– Отставить смехуёчки, ротмистр! – рыкнул Командор своим фирменным военно-морским басом и одарил подчиненного взглядом, способным заморозить Гольфстрим на траверзе Нассау. – И кстати: я намерен вас использовать вовсе не как агента-нелегала.

– Гм... Вам видней, конечно, но что я еще могу? – простой, незатейливый боевик...

– Мне нужно, чтоб вы оказались в Русской Америке; пока это всё, никаких конкретных заданий – когда понадобится, *вас там найдут*. И крайне важно, чтобы вы добрались дотуда совершенно открыто и легально, ни от кого не скрываясь. Вас наверняка ждут весьма суровые и хитроумные проверки, и потому в вашей истории не должно наличествовать никакого двойного дна: вы – офицер военной разведки, коего, как уж ведется в любезном Отечестве, в благодарность за многолетнюю смертельно опасную службу на южном пограничье вышвырнули в отставку без выслуги. Беспробудно пьёте, разумеется, – кивнул он на початый штофф, – прикидывая, не стоит ли разом подвести подо всем черту посредством табельного «калаша»...

– Я, собственно, уже начал. В смысле – «залегендировать визит»...

– Да, тут чем проще, тем лучше... Так вот, есть основания полагать, что через небольшое время к вам обратятся с предложением – отправиться в Америку; вам следует это предложение принять, не сразу и с видимой неохотой. Вот, собственно, и всё – пока, до особого распоряжения.

– Но я всю жизнь работал по Южному направлению и почти ничего не знаю о Русско-Американской Компании! Ну, кроме общеизвестной болтовни, будто у них там чуть ли не Новгородская республика...

– Вынужден вас утешить: про Русскую Америку – нынешнюю – ничего толком не известно вообще никому, – саркастически покривился Командор. – Фактически мы знаем о них лишь то, что они сами

считают нужным довести до нашего сведения – знаете такие односторонние зеркальные стекла? Что, кстати, встречает полное взаимопонимание со стороны здешнего официоза: нету той Америки – и слава Богу, вроде как нет известных странностей в кой-каких *престолонаследиях* – «апоплексический удар табакеркой» там или «печеночный колик вилкой»... Впрочем, одно можно сказать с уверенностью: ни с поминаемой шепотками наших свободолюбцев Новгородской республикой, ни с европейскими Ост-Индскими компаниями – как это, напротив того, трактуют скороговоркой гимназические учебники – всё это не имеет ровно ничего общего.

3

– Вообще-то, никакой Русской Америки и быть-то на свете не должно, – приступил к рассказу Командор, бросив мимолетный взгляд на часы. – В том смысле не должно, что, оглядываясь назад, только диву даешься – сколько *случаев* должно было сойтись в нужной точке, чтоб такое вышло. При том, что каждый сам по себе, в отдельности, – вроде бы и ничего особенного... Может, так оно и выглядит – настоящее чудо, а?

Ну вот, хотя бы: да, прогнал Петр Алексеевич прочь своего Алексашку, с наказом на глаза боле не являться – так впервой ли? Милые бранятся – только тешатся... Кой черт понес его тогда в Америку, на старости лет изображать из себя Ермака Тимофеича? Вполне мог бы пересидеть грозу в своем дворце на Васильевском острове, лавируя между Ягужинским и Балакиревым, вернуть со временем расположение *минхерца* – мало ль способов! И так и остался бы в истории России не административным гением, а пустозвоном и феерическим казнокрадом...

Да, конечно: ресурсов любого рода в личном распоряжении Светлейшего (даже если вовсе не брать в расчет капиталы дюжины *вошедших в дело* богатейших купцов) хватало – может и поменьше, чем у государства Российского, но вполне сопоставимо... Ну так, как раз опыт того государства и показывает: можно пустить по ветру еще и не такие ресурсы – вложив их, к примеру, в строительство грандиозного галерного флота, сгнившего

потом безо всякой пользы по распресненным балтийским гаваням... А Меншиков, тем временем, начинает свою *конкисту* с того, что доставляет в Охотск – плюгавенький портишко на Пацифике, где отродясь не строили ничего, кроме примитивных кочей, – двоих (прописью: двоих) нанятых в Голландии за сумасшедшие деньги наилучших корабелов с неограниченным финансированием, неограниченными полномочиями на наем подручных («...Хоть из Патагонии!») и с задачей: за полтора года подготовить здесь, на краю земли, *флот вторжения* («...Можно одноразовый, плевать!»), способный разом перевезти через океан много поселенцев. «... Сколько это будет по-русски: “много”? – н-ну, это значит *реально много*... скажем... тысяч двенадцать-пятнадцать на первый случай, о’кей? ... Ну да, разумеется, это нереальная задача! – так будь она реальной, и нанимали б не вас, а кого попроще, и платили бы по другим расценкам. Короче: берётесь, нет?..» – вот, как я понимаю, всё это тогда и звучало.

Заметьте: флот загодя строят под транспортировку поселенцев, которых пока еще нет в помине, в земли, в которые пока даже не открыты: на тогдашних мировых картах от Калифорнийского полуострова, числившегося островом, аж до Чукотки – девственно-белое пятно. А как транспортировать через всю страну, сухопутьем, такую ораву в Охотск? где их размещать, чем кормить? – «Потом, это всё – потом!.. Проблемы следует решать лишь по мере их возникновения!..» В общем, всё было в точности как в славном городе Одессе: «Жора, жарь рыбу! – И где та рыба?.. – Ты начинай жарить, а рыба будет!»... Ну, не сумасшествие ли? – да, конечно; или – гениальность. И определиться с диагнозом тут можно лишь по конечному результату предприятия; в данном случае вышло, что – да, гениальность!

Не люблю я всякой мистики, Павел Андреевич, но не оставляет меня отчетливое ощущение: Меншиков просто-напросто *знал всё заранее* – ну, может, *видение* ему какое было, или еще что... Знал и про закрытый залив с наилучшими гаванями на всем Пацифическом побережье обеих Америк (мимо входа в него, кстати, умудрились в свое время проплыть, не заметив, и англичане Френсиса Дрейка, и испанцы Родригеса Кабрильо и Себастьяна

Вискаино), и про райскую субтропическую долину, где воткни черенок лопаты – и вырастет апельсиновое дерево, и про золотые россыпи – третьи в мире... А самое главное – знал, что времени ему отпущено, на всё про всё, два неполных года, а дальше Государь-реформатор *простудится*, и начнется у нас тут такой бабский бардак, что наблюдать за всем этим предпочтительнее будет с того берега Пацифики...

Дальше – больше. Сама идея заселять новые земли крепостными-подневольными, согласия ихнего не спрашивая – чего ж тут, дескать, нового? Вон, и Воронежский флот так строили, и здешние болота мужицкими костями до того качественно замостили, что Медный всадник и поныне стоит себе не покосившись, и Демидовская *индустриализация*, что аккурат об ту пору на Урале грянула – всё ведь на тех же крепостных... А вот то и нового, что – результат! Оказалось, всего-то и нужно, что относиться к *людшкам* даже и не «по-человечески», а просто с минимальной рачительностью: осознать, что если этих переморишь – новых взять неоткуда, и хозяйствовать по освященной веками методе «Ничего, бабы новых наражают!» под Воронежем можно, а вот в Америке – шалишь! Ну, и вышло у них там в итоге, что крепостные-то они вроде крепостные, да, – но поголовно вооруженные и формирующие, чуть чего, ополчение; такое, согласитесь, в России и в белой горячке никому не привидится, да и в либеральных Европах тож...

А куда ж было деваться, кроме как раздать оружие, когда с юга поперла «армия» вице-короля Мексики, из прослышавших о золоте *bandidos*, а с севера и востока – орды немирных индейцев, слыхом не слыхавших о всяких европейских конвенциях насчет «нонкомбатантов»... Осознание того, что помощи ждать неоткуда, бежать некуда, а господский и мужицкий скальпы смотрятся похожими до неотличимости – всё это замечательным образом, как выяснилось, пресекает размышления на извечную тему: «Когда Адам пахал, а Ева пряла – кто тогда был джентльменом?»* Ибо столь же замечательным образом ситуация та прочищает мозги и *джентльмену* – если есть чего прочищать; и всплывает в тех мозгах,

* – Английское выражение, бытующее с XIV века – с восстания Уота Тайлера (*прим. ред.*).

откуда-то из исторической памяти, что оборонять мечом тех, кто тебя кормит и одевает *сохой и прялкой*, есть не щекочущее нервы развлечение, а условие самогó твоего существования. Что есть очень неплохая, оказывается, основа для пресловутого *Общественного договора*...

– И кто ж им дозволил эдакие *договора*-то заключать?

– А не у кого было тех дозволений спрашивать, поскольку связь с Метрополией мигом оборвалась: флотто и впрямь вышел *одноразовый* – из сырой деревяшки строить пришлось, в точном соответствии со спецификацией... Как они вообще сумели доплыть до своего залива Петра Великого, вокруг всего северопацифического побережья – это уму непостижимо! Суда начали набирать воду сразу по сходу со стапелей, часть транспортов вообще потекла всеми щелями – такие пришлось бросать на полдороге, где придется, вместе с экипажами и поселенцами; так ведь даже и тем фантастически повезло с местом, и в итоге основали еще две отличные опорные базы на побережье, будущие Новоиркутск и Новотобольск. Ну, а дотянуться до них отсюда, из Метрополии... Собственно, Светлейший по-любому мог бы облокотиться на чьи угодно руководящие указания, кроме лично *мин-херцевых* – но тут даже и не пришлось...

– А в России о них, выходит, просто позабыли?

– О нет, не *просто забыли* – отнюдь не просто! Множество людей – да весь Двор, почитай, за редчайшими исключениями – приложили вполне целенаправленные усилия к тому, чтобы забвение об *Американской экспедиции* стало по-настоящему полным. Это ведь просто подарок судьбы – что в развернувшейся по смерти Петра грызне за власть между столичными кланами этот ферзь придворных баталий, Меншиков, оказался заперт в самом дальнем углу шахматной доски и никак не способен влиять на петербургские расклады, на все эти интриганские двухходовки тех коняшек-офицеришек... И, ей-же Богу, Павел Андреевич, я где-то понимаю диссидентствующего историка Переслегина: останься тогда Меншиков в Петербурге и стань он регентом (в чем нет сомнений), и провластуй ту же отпущенную ему природой дюжину лет – да, не было бы на свете никакой Русской Америки, но зато мы все жили бы сейчас

в несравненно более приличном государстве. Впрочем, это так, к слову: история, как известно, не знает сослагательного наклонения...

А во всей красе тогдашняя камарилья показала себя через три года, когда горный инженер Клугер, искавший по заданию Компании залежи железа и меди, открыл на речке с непроизносимым индейским названием богатейшие золотые россыпи. Испания тут же заявила, что «земли окрест так называемого залива Петра Великого, искони именуемого заливом Св. Франциска, являются неотъемлемой частью Мексики», с ходу выдумав для них название «Новая Калифорния» – о чем и уведомила Петербург в соответствующей посольской ноте. В Петербурге затаили дыхание, боясь поверить такой удаче: ну, уж теперь-то бывшему царскому любимцу точно крышка! И отправили «Его высокопревосходительству губернатору Меншикову» инструкцию, являющую собой подлинный шедевр бюрократической казуистики, будто бы вышедший из-под пера плута-ярыжки из сказки – «Явиться к царю не пешим и не конным, не в платье и не нагишом, не с подарком и не без». В инструкции, начинавшейся с пафосной фразы «Где русский стяг единожды был поднят, его никогда впредь спускать не должно!», губернатору вменялось в обязанность обеспечить таковое *непускание* на вверенных ему землях *Новой Калифорнии*; вместе с тем, если губернатор своими действиями омрачит безоблачные отношения между Петербургом и Мадридом, а паче того – спровоцирует русско-испанскую войну, то ответит он за подобное самоуправство по всей строгости, как за государственную измену. За неимением собственных каналов связи, инструкцию его высокопревосходительству отправили через Мадрид и Мехико, озаботившись, чтоб испанцам стало известно содержание депеши...

Через три месяца в Петербург пришел ответ – тоже кружным путем, через Компанию Гудзонова залива и, далее, через голландское посольство. Светлейший отвечал по пунктам. Во-первых, к моменту получения инструкций из Метрополии война между армией вице-короля Мексики и русскими поселенцами в *Новой Калифорнии* (ладно, пускай зовется так...) не только началась, но уже и успела закончиться: разбитая наголову мексиканская

армия в беспорядке бежала к Сан-Диего, а преследовать ее, нарушив существующие границы, и в мыслях ни у кого не было. Во-вторых, Российская империя как таковая к означенному вооруженному конфликту не имеет ни малейшего отношения: военные действия вела *частная армия* Русско-Американской компании, при поддержке иррегулярных партизанских формирований из самих поселенцев (справка: разрешение на наем вооруженной охраны для верфей, приисков и прочего недвижимого имущества Компании содержится в подписанном Его Императорским Величеством «Регламенте к освоению Северо-американских земель» – параграф 17, пункт «д»). В-третьих, «спустить русский стяг» над Новой Калифорнией вообще весьма затруднительно, ибо он никогда не был над ней поднят: земли те как спокон веку принадлежали, так и ныне принадлежат племенам индейцев-пенути, и лишь *арендованы* у них Компанией (на традиционные триста лет, с продлением по умолчанию) в обмен на товары, оружие, а главное – на гарантии защиты от исконных врагов: кочевников-апачей и мексиканских работорговцев. На всякий случай, для тех, кто недослышал: арендатором ново-калифорнийских земель является Компания, а вовсе не российская Корона; по означенной причине – это в-четвертых – никакого «губернатора» в Новой Калифорнии нет и быть не может. Кроме того – это уже в-пятых! – на момент отбытия из России он, светлейший князь Меншиков, не только не занимал никаких государственных постов, но и вообще пребывал в глубочайшей опале; и если нынешнее обращение к нему как к «его высокопревосходительству губернатору» следует понимать как приглашение вернуться на государственную службу, то он вынужден это предложение отклонить: обязательства перед торговыми партнерами не позволяют ему в настоящее время сложить с себя обязанности Президента Русско-Американской компании. Писано в столице Новой Калифорнии Петрограде, число-подпись.

– Фантастическая наглость! Уважаю! И что – в Петербурге сумели проглотить *это* не поперхнувшись?

– Ну, поначалу казалось – на берегах Невы сгустились такие тучи, и из них сейчас шандарахнет такая молния, что разнесет вдребезги не только обе-две Калифорнии,

но заодно и всю Мексику с Панамским перешейком, и расколеть Америку на два отдельных континента!.. Но потом всё как-то стремительно распогодилось. Дело в том, что той же почтой, через ту же Гудзонову компанию, в Петербург из Петрограда были перечислены деньги – и вполне солидные деньги: казначейству предлагалось оприходовать налоги, выплаченные за отчетный период Русско-Американской компанией – подтвердив при этом кондиции и преференции, обозначенные в старом, петровском, Регламенте; русской императорской фамилии же – являющейся, согласно тому же Регламенту, совладельцем-акционером Компании – просто-напросто причитались дивиденды за тот же отчетный период: получите и распишитесь! А надобно представлять себе состояние российских финансов на тот момент – казна раздербанена временщиками в полную ветошь, производство и торговля скорее мертвы, чем живы, в Европе никто уже в долг не дает, ни под какие проценты, – чтобы понять: это было пресловутое «предложение, от которого невозможно отказаться».

А главное – *status quo*, по серьезному-то счету, устраивало всех. Ну, есть где-то там, за морями-океанами, какая-то Калифорния, живут там сколько-то тысяч русских; в военной защите Метрополии не нуждаются, субсидий-субвенций от казны не просят, напротив того, исправно платят налоги – чем плохо? Царская семья занимала неплохую «прибавку к жалованью», двор перекрестился с облегчением: Светлейший-то и вправду, видать, решил осесть в этой своей Америке насовсем, и в столичных раскладах больше не фигура – ну, так и попутного ветра ему в корму!..

Правда, в царствование Анны Иоанновны при дворе распространилось *мнение*, что негоже, мол, такой высокодоходной компании оставаться в ненадежных частных руках, и в *государственных интересах* следовало бы изыскать какой-нибудь способ отобрать ее в казну. Однако ревнители *государственного интереса*, продвигавшие, разумеется, каждый свой прожект отъема компанейской собственности (а главное – последующего руления оной), втянули в свои дразги сперва ближний круг императрицы, а затем и ее саму; чем вызвали крайнее монаршее раздражение, завершившееся историческим державным

окриком: «Слышать впредь не желаю про ту Америку, ни от кого и никогда!» После чего «Та Америка» для государства Российского канула в некое странное небытие, на манер Града Китежа – к обоюдному, надо заметить, удовольствию. Соблюдать этот режим взаимного *невиденья-в-упор* было тем легче, что сколь-нибудь регулярного сообщения между Метрополией и Петроградом так и не возникло: те охотские верфи, сооруженные голландскими умельцами, сгорели вскоре дотла, причем злые языки утверждают, будто запылали они с обоих концов сразу...

– Что ж, они там так и не обзавелись собственным флотом?

– Обзавелись, конечно! Из тех двоих голландских корабелов один, перекрестясь, вернулся с честно заработанными деньгами в родной Лейден, к тюльпанам и мельницам, а вот второй – маэстро Ван-Хиддинк – ни с того ни с сего плюнул на блага цивилизации, продлил контракт с Компанией и сделался шефом тамошнего Адмиралтейства. Работал как каторжный и совершил-таки второе свое чудо: войну с Мексикой Колония встретила с каким-никаким, но флотом; сам вот только до победы не дожил – сердце сдало, помер в одночасье прямо у себя на верфях. Имущества, сказывают, после него осталось – ни разу не надеванный парадный камзол, библиотека и морской сундучок, набитый золотом: всё его немереное адмиралтейское жалованье за все те годы – тратить-то его было, почитай, некогда; ну и конверт с завещанием, всё чин чином: внятных родственников, дескать, не имею, так что употребите те деньги на обучение смышленных ребятишек из неимущих семей в приличных мореходных училищах – голландских и английских. Бездуховный европеец, одно слово – нет, чтоб о душе подумать... Так что всегда был у них там флот, как не быть. Просто тогда уже возникало то отношение к Метрополии, которое потом чеканно сформулировал их третий президент: «Мы к вам – если захотим, а вы к нам – если сможете».

И главное тут – структура коммуникаций: связь с Метрополией через Пацифику – морем до Охотска, а потом на перекладных через всю Сибирь – самой Колонии оказалась попросту ненужной. Как обычно, оказалось, что «кружной путь короче»: связь с Европой –

и с Петербургом в том числе, если понадобится – через мексиканские порты.

Дело в том, что выиграть войну с полусонной Мексикой – это, как вы понимаете, не проблема; проблема – после этого «*выиграть мир*», но им и это удалось! Конечно, немало помогло тут и то, что испанец – это, если приглядеться, «тот же русский, только в профиль»: та же органическая неспособность к европейскому *Ordnung*'у и анархизм, мирно уживающийся с нутряным монархизмом внутри одной и той же черепной коробки; то же стремление ударить вдруг шапкой оземь и, нахлобучив заместо нее, на манер шлема, расколотый тазик, отправиться за тридевять земель освобождать заколдованных принцесс (вовсе о том не просивших); то же преклонение перед фантомами своей Великой Истории при крайней неприязни к нынешнему Государству во всех его реальных ипостасях...

Началось всё с того, что многие бойцы мексиканской армии, попавшие в плен по ходу той «Шестинедельной войны» (в Мадриде, спасая лицо, объявили, что никакой войны, собственно, и не было – так, вооруженные стычки между мексиканскими и русскими золотоискателями на спорной территории, статус которой будет определен позже), после заключения перемирия наотрез отказались из того русского плена возвращаться. А дальше – никто и глазом не успел моргнуть, как калифорнийские *кабальерос* массово переженились на нежных светлокудрых северянках, а военные и гражданские служащие Компании – на страстных чернооких *сеньоритах*. Как-то сам собою решился и вопрос о «естественных границах»: таковой стала речушка со смешным для русского слуха названием Порсьюнкула* (Поросячий ручей, по-нашему), по берегам которой выросли два пограничных поселка – Лос-Анджелес с южной, испанской стороны и Новоархангельское с русской. Поселки стремительно разрослись и слились в единый город, где русские перемешались с испанцами и индейцами до полной уже неразличимости исходных корней; именно здесь впервые

* – Поселок под названием El Pueblo de Nuestra Señora la Reina de los Ángeles sobre El Río Porciúncula (*исп.*: Селение Девы Марии, Царицы Ангелов, на реке Порсьюнкула), ныне – Лос-Анджелес, был основан 4 сентября 1781 г. (*прим. ред.*).

завучало самоназвание «калифорнийцы» и обрело популярность демократичное обращение «*сотрафего*», сделавшееся вскоре среди компанейского люда всеобщим, снизу доверху. Неудивительно, что испанский губернатор в Сан-Диего (имевший обыкновенно русскую жену и кучу родственников, ведущих дела и *делишки* с Компанией) прислушивался к мнению Петрограда с неменьшим вниманием, чем к указаниям далекого Мехико, а пуще того – Мадрида.

– Но всё хорошее когда-нибудь кончается, верно? И вот о них вспоминают-таки в Петербурге...

– Да, и случилось это в царствие Кроткия Елисавет.

4

Вознесенная на российский трон вихрем бестолково подготовленного, но отважно исполненного *pronuncia-tiento* дочь Петра Великого была красавица и умница, и первое из этих обстоятельств, к сожалению, почти полностью заслонило от потомков второе. Ей не слишком повезло с историографами: царствование Елизаветы Кроткой как-то всегда терялось в тени блистательного правления ее преемницы, Екатерины Великой (добывшей, кстати, престол не менее предосудительным способом, но, как позже сама же она и *отлила в бронзе* по иному поводу – «Победителей не судят»). В итоге Елизаветинская эпоха вошла в анналы лишь великолепием двора (подлинное воплощение Галантного века!), да *взятым на штык* Берлином и прочими блестящими, но абсолютно никчемными победами русского оружия в *чужой* Семилетней войне.

Между тем, кроткой императрице выпала весьма нетривиальная историческая задача: продемонстрировать миру, что Россия, при всех ее странностях и несуразностях, – это всё-таки нормальная европейская страна; и ведь – получилось! В числе прочего она, опять-таки отдавая дань тогдашней моде, снарядила в кругосветное плаванье пару фрегатов для демонстрации Андреевского флага ближним и дальним, наказав – одно уж к одному – заглянуть на Тихоокеанское побережье Америки: есть там какое-то странное русское поселение, оттуда в столицу регулярно шлют

деньги – и никаких челобитных, тогда как обычно бывает ровно наоборот...

Отчет о визите государыню, прямо скажем, ошеломил: монумент, обнаружившийся под сдернутой холстиной, действительно завораживал. Оказывается, за пару с небольшим десятилетий там, на берегах залива Петра Великого, вырос настоящий город с каменными домами о трех этажах и первоклассным портом. Помимо Петрограда, имеются еще три крупных поселка, которые по сибирским меркам можно уже смело числить городками – Новоиркутск, Новотобольск и Новоякутск – и полтора десятка укрепленных факторий с деревянными фортами. Население Колонии перевалило за тридцать тысяч, а если считать с принявшими православие индейцами и алеутами – приближается к сорока. Компания контролирует почти всё Пацифическое побережье Северной Америки, от испанской части Калифорнии на юге до обширного полуострова Новая Сибирь (по-местному – Алахаска) на севере, и гряде островов, протянувшуюся правильной дугой от южной оконечности Новой Сибири почти до Камчатки – архипелага Меншикова. Картографическая съемка берегов Северной Пацифики в первом приближении завершена; никакого Северо-Западного прохода*, к сожалению, так и не обнаружено.

Средняя часть побережья, южнее Новой Сибири, представляет собой запутанный лабиринт скалистых островов и глубоких фьордов, населенный немирными индейцами-глинкитами. Глинкиты – храбрые воины и умелые мореходы, народ их многочислен и даже обладает начатками государственности, так что боевые ладьи этих «индейских викингов» были постоянным кошмаром для прибрежных поселений Колонии; Компания вела

* – Северо-Западный проход (Northwest Passage) – морской путь из Атлантики в Пацифику вдоль северного побережья Северной Америки. Безуспешные попытки достичь таким путем Индии и Дальнего Востока начались еще в 1576 году (плавание Форбисера). В 1852 году британская экспедиция Бельгера доказала, что непрерывный водный путь из Атлантики в Пацифику через Канадский Арктический архипелаг все же существует (это считают формальным «открытием Северо-Западного прохода»); никакого практического значения, однако, это не имело, ввиду очевидной невозможности наладить в тех полярных акваториях сколь-нибудь регулярную навигацию (*прим. ред.*).

с этими племенами долгую тяжелую войну и недавно замирила-таки (как опасаются в Петрограде – ненадолго). С востока Колонию тревожат набеги конных кочевников – апачей и сиу, живущих в горах и степях за Калифорнийской долиной. С населяющими Долину оседлыми племенами пенути и алеутами с островов Меншикова отношения, напротив, сложились вполне дружественные: мирные индейцы охотно внемлют слову Божьему и обращаются в православие, а главное – весьма ценят оказываемую им защиту от воинственных соседей, апачей и тлинкитов. Крещеные индейцы имеют в Колонии те же права, что и русские (в том числе – право на свободное ношение огнестрельного оружия), а детям от смешанных браков Компания оказывает предпочтение при приеме на службу, требующую общения с аборигенами.

Других врагов, кроме немирных индейцев, у Колонии нет: отношения с испанской Калифорнией фактически союзные, а поселений иных европейских держав на берегах Северной Пацифики не имеется. Тем не менее, она располагает вполне серьезными вооруженными силами; они состоят из двух частей – небольшая профессиональная армия (исходящаяся «частными охранными подразделениями» Компании) и ополчение, куда при нужде призывают всех колонистов, способных носить оружие. Кавалерию у них там традиционно формируют из испанцев, артиллерию и линейную пехоту – из русских, а отряды разведчиков-*коммандос* – из союзных индейцев; старшие офицеры в большинстве своем выходцы из Франции, младший командный состав же целиком из местных, называющих себя «калифорнийцами» (все они, впрочем, обучены в европейских военных училищах). Та же картина и во флоте: капитаны с первыми лейтенантами – иностранцы, преимущественно голландцы, а проходящие службу под их началом мичмана и гардемарины – поголовно калифорнийцы.

Армия, как уже сказано, невелика, но опытна, отлично оснащена, и организована с полным пониманием стоящих перед ней стратегических задач – чисто оборонительных. Успешно воюя с индейцами, она, разумеется, и помыслить не может сойтись «в честном бою, острием против острия» с экспедиционным корпусом какой-либо из великих держав. Однако, обладая огромным опытом

«лесной войны», а главное – пользуясь безоглядной поддержкой поголовно вооруженного местного населения, она способна стать ядром такого партизанского движения, что мало не покажется никакой Великой армии; испанское воинство вице-короля Мексики однажды уже испытало эту стратегию на своей шкуре...

То же касается и флота. Настоящий *Navy* Колонии состоит всего из трех малых 32-пушечных фрегатов и 48-пушечного фрегат-флагмана (шестой и пятый классы боевых кораблей по британскому стандарту), которые постоянно крейсируют в тлинкитских водах. Однако большинство торговых судов Компании снабжено усиленным, почти вдвое от обычного, пушечным вооружением; вообще-то это делалось для борьбы с тлинкитским пиратством, но при нужде они сами с легкостью могут быть превращены в каперов. Основные гавани Колонии защищены береговыми укреплениями, воздвигнутыми по последнему слову военно-инженерной мысли германскими фортификаторами и оснащенными новейшей французской дальнобойной артиллерией «от Грибовалья»*; сие, как легко догадаться, уж точно – не от тлинкитов... Скрываясь за этими твердынями, а при необходимости находя убежище в портах дружественной Мексики, каперский флот Компании способен надолго парализовать морскую торговлю любой державы. Понятно, что если дело пойдет-таки на принцип, Владычица морей, к примеру, безусловно сумеет водрузить *знамя победы* над развалинами Петрограда. Однако для этого потребуются не стремительная карательная экспедиция, а настоящая, полномасштабная, а главное – *затяжная* война; война, к концу которой Лондонская биржа и страховая компания Ллойда исплачутся кровавыми слезами.

Создать столь эффективную – хотя и недешевую – военную структуру помогли Компании сперва колоссальные личные капиталы ее первого президента, Меншикова, а затем – весьма кстати подвернувшиеся золотые россыпи; в некотором смысле, калифорнийское золото

* – Грибоваль Жан-Батист – Жан Батист Вакет де Грибоваль (фр. Jean-Baptiste Vaquette de Gribeauval), франц. генерал (1715–1789), изобретатель системы артиллерийских орудий, составившей эпоху в истории артиллерии и принятой во всей Европе до первой четверти XIX в. (*прим. ред.*)

кормит армию, а армия охраняет источник того золота. Для экономики Колонии в целом же золотодобыча сейчас роль играет второстепенную, а главную – пушной промысел на севере, в Новой Сибири, и сельское хозяйство на юге, в Калифорнийской долине. Ну, и торговля, само собой: изумрудно-золотые вымпелы Компании примелькались уже не только у берегов Китая, но и в Южных морях.

Сельскохозяйственное производство в Долине организовано в виде крупных поместий, на манер испано-американских *hacienda*: владельцем земли (формально – арендующим ее, на сотни лет, у местных племен) является Компания, раздающая свои угодья в субаренду крестьянам – тем самым меншиковским мужикам и их потомкам. По когдатошнему их уговору со Светлейшим, тот в своем завещании переписал *людийшек* чохом в собственность Компании – так что теперь они вроде как и не барские крестьяне, и не государевы, а вообще не пойми чьи... Трудятся, однако, как пчелки, «*як для сэбэ*» – ну, и в итоге кормят досыта не только себя вместе с прочей Калифорнией, но и все северные поселения. Так что Новая Сибирь (населенная, в отличие от Долины, по большей части старообрядцами) смогла забыть как страшный сон свои героические попытки первых лет взрачивать там, под Полярным кругом, ячмень с репой и занялась серьезными, высокодоходными делами: промыслом морского зверя и разработкой рудных залежей.

Да что там Новая Сибирь – те калифорнийские угодья, как выясняется, давно уже кормят, без особой помпы, и всё Пацифическое побережье Сибири старой, причем не только хлебом, но и лимонами – первостатейное, оказывается, средство от тамошней цинги! Не Христа ради, понятно, кормят – в обмен на ту же пушнину, которую везут потом в Китай, а вырученное китайское серебро, уже через голландскую Ост-Индскую компанию с ее банками... Впрочем, там дальше начинается такая мировая финансовая паутина, что в ней и сам Генеральный ревизор казначейства запутается как эфирный мотылек. Забавно, кстати, что именно русские купцы додумались наладить в Калифорнийской долине настоящее виноградарство, и теперь гонят тамошние мадеру и херес в Мексику – контрабандой, поскольку испанская корона

требует от своих колоний покупать вино исключительно в метрополии, по грабительской цене, разумеется; ну, а уж как объегорить родимое Государство – ни дна б ему, ни покрывки!.. – тут русский с испанцем найдут общий язык не с полуслова даже, а с полувзгляда...

Короче, экономика Колонии вполне самостоятельна и в связях с Метрополией, вообще-то говоря, не нуждается вовсе. Даже монету они чеканят сами – по образцу золотых *махуров* и серебряных рупий британской Ост-Индской компании: калифорнийский *клугер* (по имени первооткрывателя тех россыпей) тянет, если пересчитывать через серебряный песо, примерно на здешний полуимпериял и имеет широкое хождение по всей Испанской Америке. Компания давным-давно ведет торговые дела с европейскими Ост-Индскими – и голландской, и британской, и французской, – а ее ценные бумаги идут нарасхват на всех мировых биржах. Кстати, Компания имеет свои представительства в Амстердаме и Лондоне, а в Петербурге – сами понимаете что.

...Дочитавши тот отчет, кроткая императрица грозно осведомилась: как могло случиться, что она, монархиня, узнает обо всех этих американских делах последней, после своих подданных (тут она раздраженно отчеркнула августейшим ногтем соответствующее место на полях), давно уже, оказывается, заведших с той Америкой торговлю – и, кстати, наверняка в обход налогов? Ей смущенно ответствовали, что-де предместница ее, Анна Иоанновна, как-то раз публично выразила пожелание «ничего впредь о той Америке не слышать, ни от кого и никогда». Ну, а поскольку характер та имела вздорный и мстительный («...Вам ли того не знать, Ваше Величество?..»), а провинившиеся языки имела обыкновение отрубать вместе с головой, ни у кого так и не хватило духу проверить на себе – насколько всерьез это было сказано. Ну, с той поры так оно и повелось... как говорится, «исторически сложилось»... не вели казнить, матушка!

– Да что проку вас казнить, – кротко и печально молвила императрица, – Можно подумать, новые будут лучше – разумнее и расторопнее... Ладно: я принимаю дела в том виде, в каком их застала. Немедля приглашайте этого их Президента в Петербург, да глядите – чтоб со всей уважительностью и обходительностью! Впрочем,

нет – лучше уж я ему сама напишу... р-работнички... царя небесного...

Императрицыно *приглашение* застало Петроград врасплох, хотя ждали чего-нибудь подобного все эти годы: обычное дело – «авось да пронесет»... Обсудить *вызов* и выработать, наконец, позицию «по Петербургскому вопросу» собралась на экстренное совещание вся Конференция двенадцати негоциантов, в полном составе; поскольку кое-кому из участников пришлось, бросив все дела, добираться в Петроград из Новой Сибири, времени на предварительный *анализ позиции* у них было предостаточно. Позиция та, по прикидкам, выходила патовой, что Негоциантов-то как раз устраивало, хотя...

Начали, для разминки, с вопроса протокольного: чего дарить-то будем государыне – не сервиз же из чиста-золота? Кто-то припомнил, что на днях в тайге под Ново-якутском срубили небывалую секвойю, двадцати с гаком саженей в обхвате; если годичные кольца не врут, секвойя та помнит еще Троянскую войну – так вот, не смастерить ли из цельного ее спила невиданный в мире стол, с аллегорическими инкрустациями на тему «Илиады»? Если что – умелец Евсеич с третьего участка на такие штуки мастер, надо б ему только картинки показать из того Эльзевировского издания Гомера, ну, что от маэстро Хиддинка осталось... Затею с аллегориями, однако, по размышлении отвергли: роль Елены вряд ли придется по вкусу самой императрице, а отразить ее в виде полуобнаженной Афродиты, выигрывающей конкурс «Мисс Олимп» – в Петербурге могут это *не так понять*... Купчина Володихин же, выражая мнение большей – старобрядческой – части Негоциантов, мрачно пробасил, что секвойевый пень тот подвернулся как нельзя кстати, но изготовить из него надо, конечно же, не стол, а эксклюзивную плаху на двенадцать персон; вручать ее отправимся самолично, всей Конференцией – чего тянуть-то? Тут все, как по команде, оглянулись на Президента.

Третий президент, Петр Андреевич Епанчин, был молод, на высокий пост свой заступил без году неделя, причем – чего уж греха таить! – скорее, не в силу собственных талантов, а как компромиссная фигура, более или менее устроившая соперничающих между собой «тяжеловесов». Проявить себя в деле случая пока не